

— Генерал, генерал! Виноват, каюсь! — затараторил Ли Цюань, когда понял, что прижат к походному ложу, а его прекрасный командир обрушился на него всей тяжестью, словно гора Тайшань. Не раздумывая долго, он вжал голову в плечи и сжался, пытаясь укрыться от града летящих в лицо искр гнева.

Фань Ло на мгновение замер. Глядя на комочек серой ткани, в который превратился этот недотёпа, он даже растерялся.

Прошло несколько томительных секунд. Ли Цюань, не дождавшись удара, рискнул приоткрыть один глаз и осторожно глянул на генерала. Тот смотрел на него в упор: он опасно прищурил свои тонкие, как у Бай Фэна, глаза и нахмурился, а в самом взгляде читалось нескрываемое недоумение. Прядь иссиня-чёрных волос соскользнула генералу на щеку, едва коснувшись лица Ли Цюаня. От этой близости в груди у парня сладко заныло.

— Генерал, — прошептал он, — я правда... осознал...

— В чём твоя вина?

— Ну... — Ли Цюань лихорадочно забегал глазами. — В том, что я посмел сравнить великого и могучего генерала с... ну, с тем смазливый мальчиком из заведения...

Лучше бы он промолчал. Эти слова подействовали на Фань Ло как масло, плеснутое в костёр. Воздух в шатре, казалось, зазвенел. Ли Цюань лишь почувствовал резкий порыв ветра, рванувший вниз, к его ногам. Раздался треск — и грубые штаны из дешёвой ткани превратились в лохмотья.

— А-а! Мои штаны! — взвыл Ли Цюань. В голове тут же панически закрутились мысли: «Осталось ли что на складе в хозотряде? Не в голом же виде мне в бой идти!»

Но предаваться скорби было некогда. Генерал властно обхватил его бёдра тяжёлыми ладонями. Одним резким движением Фань Ло развёл его ноги, и Ли Цюань ощутил, как горячая, твёрдая плоть бесцеремонно прижалась к его коже.

Парень побледнел. Он отчаянно заизвивался, пытаясь высвободиться, и упёрся руками в широкую грудь командира.

— Генерал, завтра же выступать! Пощадите! Я... я лучше ртом...

Договорить он не успел. Раздался глухой рык, больше похожий на предупреждающий скулёж зверя. Фань Ло, не говоря ни слова, впился зубами в смуглую шею Ли Цюаня.

Снаружи, у самого входа, дежурный солдат удивлённо шепнул:

— Десятник Чжао, а что это за звуки в шатре у генерала?

Чжао Сы невозмутимо хмыкнул:

— Ерунда, не бери в голову. Это генеральский пёсик разгулялся.

— А-а...

Внутри же Ли Цюань на собственной шкуре познал смысл выражения «острые зубки». Фань Ло кусал, терзал и зализывал кожу. Резкая боль мешалась с влажным, горячим прикосновением языка, рождая внутри тягучую, невыносимую истому. Сопротивляться больше не было сил. Ли Цюань почувствовал предательский жар внизу живота.

Взгляд парня затуманился.

— Ге-генерал... — выдохнул он, окончательно теряя волю.

Фань Ло тяжело дышал. Трение тел приносило не столько облегчение, сколько странное раздражение, какого он не чувствовал никогда прежде. В груди ворочалось душное пламя, кровь стучала в висках. Он крепко сжал запястья Ли Цюаня, желая лишь одного — выплеснуть это жгучее томление.

Услышав отчаянное «виноват», Фань Ло на миг задумался: «Неужели этот дурак и впрямь понимает, почему мне так паршиво?» Но стоило Ли Цюаню заикнуться про испорченные штаны, как ярость вспыхнула с новой силой. Закусив податливую плоть на плече парня, Фань Ло заставил его замолчать.

Тихие стоны Ли Цюаня неожиданно подействовали успокаивающе. Кожа на шее была тугой, пахла солью и потом — генерал невольно подумал, что вкус у неё на редкость приятный. Фань Ло спустил руки ниже, жадно сминая упругие ягодицы, а его разгорячённое естество ритмично втиралось в нежную кожу между бёдер парня.

— Ах... Генерал... — Ли Цюань уже не понимал, где кончается боль и начинается наслаждение.

Он густо покраснел, и его взгляд затуманился. Шелковистые волосы генерала щекотали кожу, а каждое движение сильного тела отзывалось дрожью в пояснице. Ли Цюань обхватил генерала за плечи, подаваясь навстречу.

— Генерал... завтра... дорога... — из последних сил пробормотал он, пытаясь вернуть остатки рассудка.

Фань Ло лишь глухо рыкнул и, приподняв бёдра Ли Цюаня, заставил его плотно сжать ноги.

Движения стали быстрыми, яростными. Ли Цюань широко открыл рот, но не смог вытолкнуть ни звука. Казалось, он несётся вскачь на бешеном коне, теряя опору под ногами. Если бы не стальная хватка генерала, он давно бы рухнул в беспамятство.

Резкий выдох — и Ли Цюань почувствовал, как горячая волна разлилась по его животу и бёдрам. Он замер, ошеломлённый, не в силах прийти в себя.

Фань Ло действовал буднично. Он подхватил какой-то обрывок разорванных штанов, небрежно вытерся, а затем резким движением набросил на них обоих тяжёлый плащ. Повалившись на бок и крепко прижав к себе притихшего Ли Цюаня, он коротко бросил:

— Спи.

Ли Цюань остался лежать, хлопая глазами в темноте. Генерал так и не сказал, за что злился. А глядя на безмятежное, прекрасное лицо спящего командира, парень со слезами на глазах осознал главную проблему: у него-то самого в штанах всё ещё «стояло колом». И как прикажете теперь засыпать?

На следующий день армия была уже в пути.

Путь лежал через Западные холмы — край коварных песков и внезапно вырастающих из-под земли кряжей. Узкие тропы петляли в теснинах, и сотысячное войско Маркиза, усмиряющего дальние земли, растянулось длинной змеей.

Дозоры авангарда работали круглые сутки, высматривая следы западных варваров. И всё же на несколько лагерей уже были совершены дерзкие налёты.

Фань Ло уверенно держался в седле. Ли Цюань и несколько гвардейцев из личной охраны не отходили от него ни на шаг, бдительно следя за каждым шорохом. Однако Ли Цюаня не покидало странное чувство.

— Генерал, — не выдержал он, оглядываясь по сторонам. — Мне кажется, или наших людей сегодня поубавилось?

Тот бросил на него короткий взгляд и кивнул:

— Часть ушла в тыл.

«В тыл? К военному советнику?» — Ли Цюань сразу всё понял. Вчерашнее нападение заставило генерала усилить охрану Фан Уби. Как-никак, единственный сын военного министра,

за него спросят строго.

Всё вроде было логично, но Ли Цюаня внезапно пробрал озноб, несмотря на палящее солнце. Ряды охраны вокруг генерала стали пугающе редкими. В груди шевельнулось дурное предчувствие.

«Тьфу ты, старая бабка!» — обругал он себя, пытаясь отогнать мрачные мысли. Не дай бог десятник Чжао узнает — живо шкуру спустит за паникёрство.

Ли Цюань тряхнул головой и покрепче перехватил Черного Водяного Дракона. Он сосредоточился, впиваясь взглядом в горизонт и прислушиваясь к ветру. Сейчас не было ни любовников, ни обид. Были только солдат и его полководец.

Защитить генерала — закон, написанный кровью.

Но, как назло, сбывалось худшее. Ли Цюань замер, почувствовав, как дыбом встают волосы на затылке. Он вскинул голову и увидел, как на гребнях окрестных песчаных холмов одна за другой проступают чёрные тени.

Растрёпанные волосы, алые повязки на головах, лёгкие доспехи и зловещие Мечи с головой призрака. Сомнений не было — Западные варвары.

— Генерал! — не своим голосом крикнул Ли Цюань.

Десятник Чжао среагировал мгновенно: в небо с шипением сорвался сигнальный снаряд. Оглушительный свист, похожий на крик ночной совы, разорвал тишину, и в небе расцвёл столб кроваво-красного дыма. Сигнал тревоги, видимый на десятки ли вокруг!

Ли Цюань вздрогнул, увидев, как его братья-гвардейцы обнажили оружие. Ни тени страха, ни суеты — только ярость в глазах и жажда крови. Десятник Чжао выступил вперёд, вращая тяжёлыми булавами, и его рык сотряс воздух:

— Защитить генерала!

Ли Цюань резко обернулся к Фань Ло и... замер, не в силах отвести взгляд.

Там, среди свиста ветра и летящего песка, под палящими лучами солнца, его генерал... улыбался. Это была страшная, хищная и бесконечно прекрасная улыбка человека, который наконец дождался своей битвы.